

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

**Публикацию
подготовила
А. Раскина.**

*Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год*

**Гале Кулаковской 9 лет 4 месяца,
Саше Раскиной 4 года 2 с половиной месяца.
4 августа 46.**

Саша прислушивается к моему разговору с Верой. Верочка рассказывает, как Женя поссорилась с Котей, как Котя, сказав: «Не провожайте, сам дойду», ушел. Саша слушает внимательно и когда Верочка кончает, спрашивает:

— А кот был ваш?

Ей и в голову не пришло, что Котя — это мальчик. Она решила, что это обыкновенный кот, и ничуть не удивилась, что он разговаривает. Ей только было любопытно узнать — чей он?

12 августа 46.

Саша добросовестно отчитывается перед соседями:

— Что делает папа? — спрашивают ее.

— Стоит! — отвечает она правдиво.

— Где?

— На полу.

*

Вчера один из гостей долго улеживал Сашу, уговаривал стать его дочкой. Чего он ей только ни обещал — и шоколад размером в метр, и тьму игрушек, и двух братцев. Но она осталась непреклонна: «Какие родители у меня родились, с тоими я и останусь».

*

Я уже писала об этом: не терпит в сказках ничего печально-го, ничего грустного. «Ну вот, — говорит она с тревогой, — теперь ты начнешь рассказывать, как старушку съели волки, или как мальчик попал под трамвай. Очень тебя прошу: не говори зло, не говори обидно, не говори плохо. Не надо, чтоб мальчик попал под трамвай».

*

Соня рассказывала Саше сказку:

— И говорит солнце тучам: «Уходите, тучи!..»

В Сашиной передаче это звучит так:

— И солнце говорит тучам: «Уходите, тучи, а то как дам!»

15 августа 46.

— Мама, я видела у Женички грудного ребенка, он плакал изо всех сил. Они купили его на рынке за три рубля.

20 августа 46.

Приехала из Ленинграда Галка. Накануне нам позвонили, что за неимением других попутчиков ее отправили с проводником. Когда поезд подходил, мы с Шурой отыскали шестой вагон, и идя (бежа?) рядом, спросили у проводницы:

— Едет тут девочка?

— Едет, едет.

— Одна?

— Нет, с каким-то гражданином.

Потом выскочила Галка — большая, румяная, с какими-то косичками. Чуть не сбила меня с ног, стала обнимать, целовать, причитая:

— Мамочка, миленькая, мамочка, миленькая!

И без всякого перехода:

— Я буду жить с тобой!

На вопрос: «С кем ты приехала?» ответила без запинки: «С молодым поэтом!»

Потом вышел молодой поэт, похвалил Галю за послушание во время дороги, мы его поблагодарили, распрощались и тут же поехали на дачу.

К дому Галя подошла одна — ей очень хотелось самой убедиться, узнает ли ее Саша. Подойдя к крыльцу, она подозвала Севу:

— Скажи, пожалуйста, Саше, что ее зовет какая-то чужая девочка.

Сева доложил, на крыльцо своей ленивой походкой вышла Саша, но, увидев Галю, с криком повисла у нее на шее и уже через минуту шептала ей на ухо: «Ты Севе дай конфетку, а Шуре не давай, он драчун и один раз засыпал мне глаза песком».

Галка привезла Саше — утерпела! — конфет и персиков. «Один, — призналась она, — я съела в вагоне, а остальные привезла тебе и Саше».

Галка стала гораздо спокойнее, хорошо играет с Сашей, заботится о ней; очень внимательна к своим нарядам и прическе; каждое утро дебатировать одна и та же проклятая проблема — как лучше: две косички с прямым пробором, одна косичка без пробора, или косой пробор с бантом? Опять же: что надеть — белую кофточку с серым сарафаном, красную кофточку с юбкой или украинский костюм?

Если с костюмом что-нибудь не ладится, Галя впадает в черную меланхолию, надувает губы и хмурится. Огорчение ее так глубоко и так искренне, что у меня нет сил посмеяться над ней.

«Я очень по тебе соскучилась», — говорит она мне по нескольку раз в день. А один раз пояснила:

— По тебе, по маме Соне, по папе Абе, по Сашке — одинаково. А потом по Шуре и по Фане.

В чеходане у нее я нашла чудесное платье, новый серый сарафан, белую батистовую блузку — всё дело рук Валентины Николаевны.

Первые три дня Галя звала меня: «Бабушка!».

*

Кто ведет себя с неслыханным похабством — это Сашка. Колотит детей, пристаёт ко всем. К няне Поле относится просто с издевкой; а когда Поля ругает ее, на Шашином лице — откровенная усмешка: и не подумайте, будто я стану вас слушаться!

Огорчают ее только мои выговоры, но и тут всё кончается ничем:

— Любишь! Любишь! — кричит Саша истерически.

— Нет, не люблю, потому что ты не слушаешься, замахнулась на тетю Полло, не хочешь мыть руки.

— Я больше не буду, а ты меня любишь, любишь, любишь! — продолжают вопли.

А потом всё начинается снова.

За обедом часами сидит за супом, второе норовит схватить руками. Часто подозрительно осведомляется:

— А мне огурчика оставила? А мяса мне оставила? А мармелад мне не забыла оставить?

К тому же она склочница, сплетница и любит ябедничать:

— Тетя Рона, ваш Шура ругается! Галя, побей Севу, он отнял у меня игрушки! Мама, скажи Гале, что она ко мне пристаёт?

Но вообще она просто пухнет от гордости и всем хвастливо сообщает:

— Вы знаете мою сестричку Галочку? Она всех старше, у нее беленькие волосики, а глазки карие.

21 августа 46.

Саша:

— Мама, мы играем, и Шурик *абсолютно* никого не обижает: ни меня, ни Севу, ни Галю, ни себя, — никого!

Она же:

— Мама, купи нам такого мальчика, как Шурик, только не такого грубого.

*

Саша:

— Чур, моя мама!

Минутное замешательство и потом Галкин вопль:

— А голова мамина — чур, моя!

*

Саша, о маленьких ножницах:

— Мам, эти ножницы — грудные?

25 августа 46.

Ника была случайной свидетельницей такого разговора:

Саша, детям:

— Я разрушу ваш домик!

Галя:

— Не смей, я скажу маме.

Саша:

— Тогда я скажу папе, что ты меня ударила!

Тогда вмешалась Ника, спросив у детей, ударила ли Галя Сашу.

Все хором сказали — нет. Тогда Саша со слезами стала повторять:

— Нет, ударила, нет, ударила! Я скажу папе, и он мне поверит.

Он мне поверит, а не Гале.

Это очень серьезно, очень тревожно. Но как всегда — не знаю, что нужно сделать. Для серьезного разговора на эту тему Саша слишком глупа еще. Отшлепать — она не поймет, за что. Простой выговор («Нехорошо говорить неправду, никто не поверит девочке, если она говорит неправду») не произведет на нее никакого впечатления.

Сказать: «Прости меня, я больше никогда не буду!» ей ничего не стоит.

21 сентября 46.

Саша придумала новое слово. Она сказала:

— Мама, я не забуду того, что ты мне говоришь, я не такая *забудка*, как Галя.

*

Я, по телефону:

— Я выеду в четыре!

Саша, по обыкновению с воплем:

— Нет, нет, ты не в четыре, а в пять поедешь!

Галя, иронически:

— Ребенок, знавший арифметику...

В этом замечании усматриваю тлетворное влияние Шуриного остроумия.

*

Саша:

— Мама, ты что, не слышишь? У тебя что, уш нету?

22 сентября 46.

Галя ходит в новую школу. Попала к молодой учительнице. Как остроумно заметил С.А.Гуревич [1], с точки зрения журналистской это хорошо, с точки зрения материнской — очень плохо.

Неопытная. Ребята едва научились узнавать подлежащее и сказуемое, а она уже требует, чтобы они находили сказуемое в безличном предложении, сказуемое, выраженное прилагательным, наречием и т. д.

Бестактная. Я послала ей записку, в которой просила посадить Галю ближе к доске, так как у нее после кори было осложнение на ухо, и она не совсем хорошо слышит. Прочитав записку, учительница сказала Гале: «Пусть мать принесет справку от врача».

Не знаю, как там с педагогической точки зрения, но, по моему, нельзя давать ребенку понять, что не веришь его матери.

Саша
и Сева.

Потом: учительница все время требовала, чтобы Гале сшили коричневую форму. Пришлось покориться. Мама Соня купила коричневой шерсти и сама сшила чудесное платье. Галя полетела в школу как на крыльях, гордая и счастливая. Вернувшись смущенная, сказала:

— Чудная у нас Ирина Николаевна. Сама велела шить форму, а сама не радуется.

*

На днях было так:

— Шура, — сказала, я подхалимским голосом: — Мне очень хочется сегодня встретиться с Юшей, она здесь проездом. Я уйду часа на полтора.

— Ни в коем случае! — воскликнул Шура, так как Саша чувствовала себя не совсем хорошо.

— Очень тебя прошу, — продолжала я. — Там меня ждут, я обещала, я просила папу Абу побыть с детьми. Очень тебя прошу. Секунду мы препирались — очень мягко, без воплей. И вдруг видим, лицо у Гали исказилось, и она начала плакать.

— Я хочу, — объяснила она мне потом сквозь слезы, — чтобы Шура тебя отпускал и чтобы ты ходила куда хочешь.

А Саша, услышав, что я ухожу, завопила:

— Нет, нет, не уходи! Не уходи! Завтра пойдешь, сегодня не ходи!

Таково соотношение сил в нашем семействе.

*

Саша, играя, говорит сама с собой:

— Здравствуйте, Петр Иванович! Как ваше желание? Живание? Как вы живете? Как ваши дети?

*

Я обращаюсь с детьми несдержанно, много кричу, сержусь из-за пустяков. Сашку — ту даже шлепаю. Самую малость, правда.

*

Саша стоит на кончике кровати.

— Упадешь! — предостерегаю я трижды.

— Не упаду! — отвечает она и, конечно, падает. Видимо, уши-блясь не очень — не плачет.

Я говорю:

— Так тебе и надо!

Тогда Саша начинает судорожно рыдать, забивается в угол кровати и, когда я подхожу к ней, плача, говорит:

— Нет, нет, уходи, ты меня не пожалела, ты меня не пожалела — уходи.

*

Саша:

— До свиданья, счастливо, пока, всего хорошего! Передайте привет тому, к кому идете!

*

Саша:

— Какое странное говорение!

*
— Мама, это было давно? *Лет назад?*

*
Галя читает «Детство Никиты».

*
Саша раскладывает кубики и поет: «Тихо — окаянский флот!»

24 сентября 46.

Сегодня утром Галя нипочем не хотела вставать, хотя вчера легла рано. Я долго не могла добиться — в чем дело. Наконец Галя объяснила. Вчера учительница, увидев у нее в руках линейку, заподозрила ее в том, что она делала домашнее задание в классе (подчеркивала подлежащее и сказуемое). Галя объяснила, что вынула линейку по просьбе соседки. Ирина Николаевна не поверила и сказала:

— Девочки, кто видел, как Кулаковская подчеркивала в классе?

Какая-то девица подняла руку, и учительница поставила Гале в журнале двойку.

Галя, конечно, сказала правду: я видела, как она делала уроки и как подчеркивала эти злополучные подлежащие. Да если бы и не видела, поверила бы: что-то, а врать она не врет.

28 сентября 46.

Саша:

— Мама, наше масло русское [2], значит, оно воевает с немцами?

29 сентября 46.

Саше часто — в трамвае, на бульваре — задают один и тот же вопрос: «Почему у тебя глазки такие черные? Они у тебя грязные, ты их не моешь?»

До сих пор Саша силилась как-то оправдаться: «Нет, — говорила она, — я моюсь, я купаюсь, я их с мылом мою!» — и ссылалась на меня: вот, мол, она может подтвердить.

Сегодня я имела удовольствие слышать, как Саша энергично парировала попытки посмеяться над ней и ее чернотой.

Место действия — Патриаршие пруды. Лавочка.

Сосед по лавочке:

— Девочка, почему это ты такая черная?

Саша, независимо:

— Трубы чистила.

Посмеявшись, сосед продолжает:

— Нет, — говорит он, — наверное, не поэтому. Наверное, у тебя родители такие черные. Кто же у тебя черный — папа или мама?

Саша:

— Бабушка!

Сосед:

— Ты все шутишь, а ты мне правду скажи!

Саша:

— Отвечать больше не буду!

*

В Галином задачнике оказалась нерешимая задача, с ошибкой. Мы с Галей этого не знали, долго бились над ней и, наконец, отчаявшись, обратились к Шуре. Конечно, не решил и он. И теперь утверждает, что Галя дает ему решать задачки, которых не решил бы и Пифагор даже в самых лучших своих штанах.

4 октября 46.

Галя пришла из школы и, по обыкновению, села за уроки. Потом обратилась ко мне с просьбой помочь: надо выдумать задачу по данной в задачнике схеме.

— Ну, придумывай, — говорю.

— Я не знаю, не умею, — ноющим голосом отвечает Галя.

Я было взяла карандаш в руки и бойко стала выдумывать, но, к счастью, вовремя опомнилась:

— Нет, — говорю, — придумывай сама, а я буду только помогать.

Галя поныла, похныкала и вдруг вполне спокойно и убежденно сказала:

— Ты потому не стала выдумывать, что сама не знаешь, как нужно делать.

Тут я почувствовала сильнейший приступ бешенства и стала говорить (очень громко...) разные слова, и напомнила ей, что нет

у меня привычки утверждать, будто я знаю и умею, если не знаю и не умею. Галя начала плакать, плакала долго, громко, ходила из угла в угол, я ходила тоже, только в другом направлении, и продолжала говорить всякое, в том числе была сказана даже и такая, в сущности, подлая фраза:

— И знаешь, езжай обратно на Сретенку. Там тебе будет легче, и уж, конечно, там за тебя станут выдумывать и решать задачки.

Галя заплакала еще громче, а потом сказала:

— Я больше не буду.

— Чего ты не будешь? Решать задачки не будешь?

Что-то похожее на улыбку, снова слезы и опять:

— Я больше не буду.

Потом мы одну задачу выдумали вместе, потом она выдумала задачу сама, потом я ушла, сказав, чтобы она решила примеры самостоятельно и, уж разумеется, чисто и правильно. Она горячо обещала сделать так, как я прошу. По всем педагогическим и журналистским законам она должна была выполнить уроки как следует, чтобы доставить мне удовольствие. Вернувшись, я увидела, что все это не так просто: в тетрадке было много помарок и два примера решены неправильно. Обидно...

11 октября 46.

Сегодня Галя вернулась из школы на полтора часа позднее обычного. Мы уже стали даже волноваться. И вот приходит Галя и рассказывает следующее:

— У нас случилась ужасная вещь. Обещай, что никому не расскажешь. Ужасно подлый случай. Понимаешь, недалеко от меня сидит девочка Моисеенко. У нее есть часы. И вот на первом уроке она смотрела на часы, чтоб узнать, сколько времени осталось до звонка. А на втором уроке Ирина Николаевна спрашивает у нее: «Моисеенко, который час?» Моисеенко смотрит и видит: часов нет! Стала искать в парте, под партой, в портфеле — нет часов! Тогда Ирина Николаевна стала обыскивать портфели — и у меня посмотрели. Опять нет часов. Тогда Ирина Николаевна говорит: «Девочки, лучше сознайтесь! Тогда я ругать не стану, а если не сознаетесь, милиция все равно узнает, кто взял, и родителям придется оплатить штраф, и уж, конечно, их вышлют из Москвы, куда-нибудь далеко». Потом она пошла за Ольгой Сергеевной, директором, а девочкам велела сидеть на месте. А девочка, которая сидит с Моисеенко, взяла тряпку и вышла из класса. Приходит Ирина Николаевна с директором и спрашивает: «Где Обухова?» И вот входит Обухова. Ей говорят: «Ты зачем выходила, если велели сидеть на месте?» Она отвечает: «Я хотела намочить тряпку, чтобы стереть с доски». Зачем стирать с доски, если доска и так чистая? И теперь, конечно, все думают на Обухову. А Ольга Сергеевна сказала: «Лучше сознайтесь, а то сейчас придет из милиции ищейка и может загрызть ту, которая взяла часы». А потом нас отпустили, хотя Обухова и не призналась.

13 октября 46.

Саша разговаривает сама с собой:

— Самое страшное, когда воруют маленьких детей. Они маленькие и могут испугаться. И какая же мать согласится отдать своего родного ребенка?

*

Галка на воскресенье ездит на Сретенку. В прошлый раз она вернулась огорченная: рассердившись на нее, Вова назвал ее «гитлериха».

*

Саша утверждает, что мы жили в Мамонтовке на улице «Здоровый бык». (Поселок назывался «Здоровый бык».)

19 октября 46.

— Мама, я не как кукушкины дети, я тебе помогаю, да? — говорит Саша.

Разговаривает она очень чисто, но некоторые слова давно уже и упорно перевирает: разгудили (разбудили), светочек (цветочек), пугоровичка (пуговичка).

21 октября 46.

Саша:

— Мама, ведь правда — у каждого человека есть или дочка, или сын, или собачка. Правда? Правильно я говорю?

24 октября 46.

На днях было обнаружено, что Саша умеет читать. Я написала «Оля». Саша сказала: «О-л-я, а вместе Оля!»

Тогда я написала «Маша», «Нюра», «Гая» и другие имена. Она все исправно прочла, осилила даже такие имена, как «Наташа» и «Тамара». Каждый день умоляет:

— Пожалуйста, позаимись со мной азбукой.

Занятие это заключается в том, что я пишу легкие слова (лоб, суп и имена), а она читает. Иногда происходят конфузы. Так Саша прочла по буквам *Б-а-б-у-ш-к-а...*

— Ну а вместе?

Саша, подумав:

— А вместе *Петруша*.

26 октября 46.

Видя, что я собралась уходить, Саша спрашивает, вернее утверждает:

— А мне — слушаться тетю Нюру и не мешать Гале?!

Запись А. Б.

Это потому, что я всегда завещаю сие, уходя. Папа.

(А. Б.)

Саша:

— Мама, есть такие люди, которые никогда не умирают?

27 октября 46.

Я пишу. Гая читает. Шура заперся в своей комнате. Все заняты. Саша изнемогает: — Мама, — говорит она, — скука идет.

Послонявшись некоторое время по комнате, она говорит мне:

— Мама, перестань работать. Папа работает, вот ему и дадут за это денюжки. Зачем же ты работаешь? Нам хватит папиных денег.

Я молчу, продолжая работать.

Отчаявшись, Саша направляется к Гале:

— Галочка, — произносит она умоляющим голосом, — позаимись со мной, пожалуйста.

28 октября 46.

Саша:

— Мама, попроси, чтоб нас превратили, чтоб мы не умирали. Очень не хочется умирать. Кто это может сделать?

— Никто не может.

— Ну, тогда попроси Сталина, он может. Ты знаешь, где он живет? В Кремле. Вот поезжай туда.

29 октября 46.

Обычно, готовя уроки, Гая обращается ко мне с разными вопросами, а иногда и злоупотребляет этим. На днях она пришла и, раскладывая учебники, заявила:

— Только ты мне, пожалуйста, ничем не помогай. Ирина Николаевна велела сделать домашнее задание на отдельном листочке и совершенно самостоятельно, это будет вроде контрольной.

Через полчаса я заглянула ей через плечо, она предостерегающе подняла руку, а когда я попыталась что-то сказать, снова повторила:

— Пожалуйста, ничего не говори, я ведь тебе объяснила, почему.

Мне было это очень приятно. Правдивая девочка.

В письме к бабушке Вале она писала: «С Сашей живем дружно, только иногда деремся».

5 ноября 46.

Я задаю Саше загадки:

— Что это такое: сто одежек, а все без застежек?

— Не знаю, — огорчается Саша.

— А два конца, два кольца, посередине гвоздик — это что такое?

Саша почти в отчаянии и требует реванша:

— Вот я тебе задам. Маленьких кубиков много, а больших нет совсем, — что это такое?

— ?!

Саша, торжествуя:

— Это — бедный человек!.. А что это такое: похоже на штучку, а все-таки не штучка?

Гая.
Сентябрь
1946
года.

— ?!

— Это — почти штучка!

*

— Мама, кто главнее — Сталин или Чуковский? — спрашивает Саша.

6 ноября 46.

— Мам, смотри, я знаю уже 25 английских слов, я совсем как настоящая англичиха. Мама, спроси у меня, люблю ли я немцев, а я отвечу тебе «ноу» (no), спроси, люблю ли я Галю и я отвечу «ес» (yes)!

*

— Мама, отгадай загадку: живет не в аквариуме, а все-таки в реке, в водичке — кто это?

— Не знаю. Рыбки, может быть?

— Нет! Это РАК! (Торжествуя.)

В минуту может выдумать до 135 загадок. Очень радуется, что никто не в состоянии отгадать.

*

Гая ложится спать, я сижу за столом и работаю.

Я:

— Повернись к стенке.

Гая:

— Нет, я буду лежать и смотреть на тебя. Ты мне нравишься. Все-таки ты красивая. (!)

*

Гая уже несколько раз сообщала мне, что собирается стать писательницей.

7 ноября 46.

С утра Саша рвется на демонстрацию. Но на улице мокро, а калош у Саши нет.

*

Саша:

— Мама, я так люблю тебя, что ни за кого замуж не выйду, только за тебя.

*

Саша, возвращаясь с прогулки:

— Мама, я прочла на афише слово концерт. И Москва. И социализм.

*

Соня Фингер играет с Сашей и Галей «в школу».

— Саша Раскина, — говорит она педагогическим голосом. — Каких животных ты знаешь?

Саша, добросовестно, стараясь не пропустить ни одного из известных ей представителей фауны, отвечает:

— Козел... козленок... корова... лошадь... газели... А карусели — это тоже животное? [3]

15 ноября 46.

Итак, я, надеюсь, в последний раз, перевела Галю в новую, 175-ю (очень опасную) школу [4]. Весь переулочек перед школой запружен машинами. Опасное место! Это скверно. Но я стараюсь об этом не думать. Самое важное — очень хороша учительница. Мягкая, ласковая, зовет девочек по именам. Галя уверяет меня, что она очень веселая и во время уроков много шутит. Это тоже приятно. Я это люблю.

Немолодое, но красивое лицо, красивого рисунка губы и совсем седые волосы. Я ее побаиваюсь, но она мне нравится. На днях зайду и порасспрошу насчет Галки, не отстала ли она?

21 ноября 46.

Вчера к нам приходил Корней Иванович. У Саши был испуганно счастливый вид, до сих пор она хоть и расспрашивала о Чуковском, но, кажется мне, не очень-то верила, что он существует. Поэтому вчера она дотрагивалась до него осторожно, а смотрела почти набожно и взобраться на колени осмелилась только под конец. Напоследок она совсем распоясалась и даже задавала Корнею Ивановичу загадки:

— Что это такое: зимой и летом — одним цветом?

— Платье, — деликатно говорит Корней Иванович.

Хохот, визг, восторг — Галка радуется не меньше, чем Саша.

— Занавеска? — спрашивает Корней Иванович.

— Ничего вы не догадались!! А вот догадайтесь полегче, я сама придумала, что такое: красивое, начинается на «сы».

— Самовар?

— Нет!

— Собака?

— Нет!

— Что же это?!

— Светок! (Цветок.)

Корней Иванович тоже был на высоте: жонглировал стульями, тарелками, куклами. «Мойдодыра» он читал на такой манер:

— Я хочу напиться молока,

К самовару подхожу,

Но пузатый от него

Убежал, как от воды.

Это привело Сашу в отчаяние, она долго убеждала Корнея Ивановича, что он читает неправильно, объясняла, как надо читать, удивлялась:

— Ведь вы же сами написали, как же вы забыли? Или, может быть, вы не Чуковский?

Сегодня я спросила:

— Понравился тебе Корней Иванович?

Она ответила кратко, но выразительно:

— Ура!

*

Учительница у Галки несомненно очень хорошая. Три мелочи:

1. Зовет девочек по именам.

2. Во время перемены не уходит в учительскую.

3. На уроках много шутит.

Как Анна Ивановна.

*

— Галя, тебя в школе сегодня спрашивали?

— Нет. Евгения Карловна обвела глазами класс, бросила взгляд и на меня, но не спросила.

28 ноября 46.

Саша живет бурной интеллектуальной жизнью, и от этого всем плохо, потому что никому нет покою.

— Мама, а как зовется маленький волк?

— Волчонок.

— А маленький медведь?

— Медвежонок.

— Значит, абажур — абажурёнок, стол — столёнок, стул — стулёнок? Мама, а ты была маленькой? А Евгения Карловна была

маленькая? А дядя Морис был маленький? А нищие были маленькие? А немцы были маленькие? Разве плохие люди тоже были маленькие? А стол был маленький? А стул был маленький?..

— Мама, почитай мне! Папа, почитай мне! Тетя Нюра, почитайте мне!

*

Шура говорит Саше:

— Цыц!

— А что такое цыц? — спрашивает Саша.

— Это значит — тише!

— Это по-английски?

*

Саша:

— Мама, почему так много плохих людей на свете: баба Яга, немцы, Бармалей?

4 декабря 46.

Саша:

— Мама, люби меня больше, чем Галю. Посмотри: она сосет палец, в школе ей поставили тройку... Она грубая... Люби меня, пожалуйста, больше.

*

Мы с Сашей пришли в школу за Галей. Сидим в вестибюле, ждем. Саша оглядывается, осматривается. Находит глазами плакат и читает по слогам: «Учиться, учиться, учиться!» и спрашивает:

— Мама, что это их так уговаривают учиться?

*

Вчера были на именинах у Паши. На прощание я сказала имениннику:

— До свидания, Паша, поцелуемся.

— Только не с тобой! — воскликнул он и тут же заключил в объятия Сашу.

Очень у него это темпераментно получилось.

Ему исполнилось пять лет. Он был потрясен количеством подарков, шумом, кричал, дрался, но всё в каком-то упоении, без злости.

*

Саша с падежами не в ладу. Она говорит: «Я тебя люблю, как я могу тебя не любить, у меня же не шесть матерей?»

Она же: «Четыре детей».

9 декабря 46.

Саша, задумчиво:

— Мама, почему так смешно получается: сначала человека нет. Потом он родится. Потом его опять нет: умирает. Правда, почему так?

*

Мама Соня возила Галю в кино смотреть «Мастера сцены». Там первые акты из «Царя Федора», «Вишневого сада», «На дне». Девочка все поняла. Особенно проникновенно и с большим сочувствием рассказывает о «Царе Федоре»:

— А под конец зазвонили колокола в церкви, и он говорит своей жене таким жалким, усталым голосом: «Иринушка, не пойду я к обедне, ведь это не такой уж большой грех, правда? А пойду я в свою опочиваленку...»

*

Галя:

— Мама, моя соседка Гольденблат Рита потеряла свою ручку и говорит: «Это ты взяла». Я ей отвечаю: «Прежде чем говорить, поищи хорошенько». Она поискала и нашла под партой и все-таки стоит на своем: «Это ты взяла, а потом бросила!» Евгения Карловна услышала и страшно на нее накричала. Она сказала: «Как ты смеешь так оскорблять человека?»

Тут Галя смеется. Я удивленно смотрю на нее. Тогда она поясняет с веселым изумлением:

— Человек! Это я — человек!

(Продолжение следует)

[1] Семен Абрамович Гуревич, московский учитель, журналист, друг Ф. А.

[2] Так называлось топленое сливочное масло.

[3] В «Телефоне» К. Чуковского «газели» рифмуется с «карусели».

[4] В этой школе, расположенной в самом центре (Старопименовский переулочек), в свое время учились дети Сталина и Молотова. В Галином классе учились дочери Жукова и Громько, а английский язык преподавала жена члена ЦК, маршала Булганина.